

После этого шаньюй навещал его каждую ночь, часто делил с ним ложе. Красавец испытывал и отвращение, и наслаждение, но ароматические пилюли применял по-прежнему, твёрдо решив не рожать шаньюю детей. Шаньюй, видя, что живот его яньчжи остаётся плоским, впал в отчаяние и, поверив словам шамана, пустил в ход множество развратных снадобий. Красавец становился в постели всё более похотливым, а шаман тем временем продолжал промывать ему мозги, пытаясь заставить принять мысль о том, чтобы выкормить для шаньюя ребёнка.

Чтобы привить ему любовь к детям, шаньюй отдал ему на воспитание свою двухлетнюю дочь. Красавец, ежедневно видя ненавистную маленькую кочевницу, тосковал так, что даже есть не мог.

На самом деле девочка была очень красивой и милой, родной сестрой третьего принца Иэрданя. Большие чёрные глаза, круглое улыбчивое личико — смотреть без умиления было невозможно. По наущению отца она сама подошла к красавцу, обняла его за ноги и ласково позвала:

— Эджи.

Красавец испытывал глубочайшее отвращение. Со скорбной гримасой он взял на руки переданную шаньюем малышку, почувствовал её молочный запах — и так захотелось швырнуть её на землю! Но шаньюю, напротив, нравилось, как он держит ребёнка. Мужчина с нежностью сказал:

— Когда у нас с яньчжи появится дитя, я построю для тебя дворец, как это сделал ханьский император.

Дворец строить ещё не начинали, зато уже взялись за гробницу. Шаньюй лично отвёл его к своей усыпальнице, готовой наполовину, и, взяв за руку, спустился вместе с ним под землю. Склеп был квадратным, со ступенями по периметру, а подземное пространство поражало размахом. Шаньюй рассказывал о своём «последнем пристанище», описывал настенные росписи. Он приказал захваченным в Хань мастерам изобразить на фресках его прекрасную яньчжи.

Красавец обливался холодным потом. Шаньюй обнял его прямо в гробнице и с глубокой любовью произнёс:

— Когда я умру, яньчжи ляжет со мной в одну могилу.

Красавец весь задрожал, дыхание перехватило. Мужчина пристально посмотрел на него и спросил:

— Ты согласен?

Красавец смотрел на него, плача от беспомощности. Ему казалось, будто он уже стал бесплотным духом, будто его душу навеки заточили в степи и он никогда больше не вернётся в ханьский дворец. Он не ответил, согласен или нет, а просто лишился чувств.

Красавец тяжело заболел — недуг едва не унёс его жизнь. В бреду он бормотал:

— Брат... Брат...

Он плакал не переставая, слёзы пропитывали волосы. Ему снилось, как в детстве брат учил его ездить верхом, вёл за руку через бревно над рекой, как они играли в ханьском дворце. Снился

брат, фехтующий на мечях, читающий книги, улыбающийся ему, тайком приносящий сладости... и брат, обнимающий его в постели, тяжело дыша.

Даже в беспомощности красавец сжимал в руке нефритовую подвеску, почти раздавив её. Шаньюй метался между отчаянием и страхом, шаман применял множество заклинаний, но ничего не помогало. Его яньчжи, казалось, угасал на глазах.

Весть о тяжкой болезни яньчжи ещё не достигла ханьского дворца, когда оттуда пришла другая весть: ханьский император сочетается браком. Через два месяца он возьмёт в жёны дочь хоуцзюэ и приглашает послов государства Хунну на церемонию.

Однажды красавец очнулся в полубреду, его шёлковые одежды промокли от пота. Босиком, пошатываясь, он выбежал из палатки — слуги не успели его остановить. В одном белом нижнем белье он упал на колени на траву, лицом к югу, и зарыдал.

На дворе уже стояла весна: снег растаял, трава зеленела, полевые цветы раскрывали бутоны, порхали бабочки. Солнце светило ярко и ласково. Помолчав на коленях, красавец внезапно вскинул голову и закричал:

— Чжао Цзюэ!! За что ты так жесток со мной?!

— Аааааааааааа!!!!!!

Душераздирающий вопль поразил шаньюя. Тот быстро подошёл и обнял его. Красавец вцепился в траву, а потом принялся яростно бить шаньюя — тонкие ладони и босые ступни обрушивались на лицо мужчины.

Шаньюй дал ему пощёчину. От этого удара красавец потерял сознание. Он смотрел на шаньюя с пустым взглядом, по щекам ещё текли слёзы. Шаньюй, глядя на его исхудавшее, изменившееся до неузнаваемости лицо, с болью произнёс:

— Яньчжи, опомнись.

Красавец снова отключился.

Вдалеке четырнадцатилетний Хулэ, державший за руку двухлетнюю «дочь» яньчжи и несший букет полевых цветов, собранный принцессой, смотрел на эту сцену в полном оцепенении.

Красавец очнулся лишь под вечер. Шаньюй всё это время не отходил от него, забота поседела ему ещё несколько волос. Нефритовую подвеску, которую красавец никогда не снимал, он разбил в беспомощности. Придя в себя, он с тоской уставился в тёмный потолок палатки. Ему казалось, что он умирает. Шаньюй ещё жив, а он уже сходит в могилу — что ж, теперь не придётся идти на погребальную жертву, он сам упокоится в его усыпальнице первым.

Шаньюй поднял красавца и, сжимаясь от боли, стал уговаривать его выпить козьего молока. Красавец делал глоток — и тут же выплёвывал. Обнимая шаньюя, он бормотал в бреду, умоляя не хоронить его в степи, умоляя вернуть тело в ханьский дворец. Даже умирая, он жаждал вернуться, чтобы в последний раз взглянуть на брата.

Сердце шаньюя разрывалось. Страшась, что его яньчжи и вправду умрёт, он обманом согласился. Узнав, что после смерти сможет вернуться, красавец немного успокоился. Обняв шаньюя, он наконец послушно выпил молока и съел немного еды.

С тех пор шаньюй не отходил от него ни на шаг, боясь, что тот незаметно исчезнет. Видимо, утешившись мыслью о посмертном возвращении, красавец немного отпустил свою душевную муку. Он стал послушным, покорно сносил шаманское бормотание и заклинания — и тяжкий недуг сердца понемногу отступил, здоровье стало возвращаться.

Красавец этого не замечал, думая лишь о том, что после смерти попадёт в ханьский дворец, а его тело станет свадебным подарком для брата — вот обрадуется! Любовь к брату превратилась в лютую ненависть. Он ненавидел ханьского императора так, что не мог заснуть, вскакивал среди ночи и в ярости дёргал шаньюя за бороду.

Шаньюй, измученный своим маленьким яньчжи (от дёрганья даже кровь на бороде проступила), молча сбрил её — и выглядеть стал моложе. Проснувшись ночью и не обнаружив бороды, красавец принялся рвать шаньюю волосы на груди. Тот, не на шутку испугавшись, связал непослушные руки своего яньчжи, прижал к постели и жестоко овладел им снова.

Красавец проболел больше месяца, и шаньюй из жалости не трогал его всё это время, так что они не сходились более двух месяцев. И вот ночью мужчина прижал его к кровати и жестоко взял, так что вода под ним чуть не промочила соболиные шкуры. Красавец от ласк размяк весь, в душе ненавидя шаньюя, а телом уже не в силах противиться. Шаньюй обхватил его под коленями, и казалось, всё нутро красавца вот-вот растает.

Посреди ночи в палатку вошёл слуга с докладом: третий принц, пришпорив коня, вернулся на два дня раньше и просит аудиенции у отца.

Шаньюй нахмурился: «Иэрдань совсем забыл о приличиях, не мог дожидаться рассвета». А его маленький яньчжи, тёплый и ароматный, обвивал его руками, не желая отпускать.

Красавец злобно обнял шаньюя, не позволяя уйти, — сам он ещё не насытился. Шаньюй махнул рукой слуге, велел передать Иэрданю, чтобы явился с утра.

Но когда они снова сошлись в страсти, слуга, дрожа от страха, вновь вошёл и доложил, что третий принц настаивает на срочной встрече по важному делу. Красавец в ярости швырнул в слугу туфлей.

Фыркая от злости, красавец поднялся, надел нижнее белье, накинул лисью накидку, сунул ноги в сапоги, схватил подаренный шаньюем кнут и выбежал из палатки.

Позади шаньюй ещё одевался. Его маленький яньчжи довёл его до смеха, и он лишь кивнул слуге, приказав следовать за тем и присмотреть.

Слуга, помня, как недавно яньчжи болел и шаньюй буквально носил его на руках, ни в коем случае не смел перечить. Он лишь бросился вслед.

Выйдя из палатки, красавец увидел впереди высокую спину. Юноша подрос, казалось, возмужал. Он был одет в белый хучжуан, волосы заплетены в несколько кос, в руках держал поводья белого скакуна, стоя к нему спиной. Иэрданя вызвал отец из-за свадьбы ханьского императора — тому предстояло отправиться в Лоян послом от государства Хунну и поздравить правителя.

Яркий лунный свет падал на усталую фигуру Иэрданя. Юноша стоял, опустив голову, в сердце его, казалось, таилась печаль. Красавец нимало не интересовался его переживаниями. Увидев Иэрданя, он гневно крикнул:

— Иэрдань!!

<http://bllate.org/book/16253/1461967>